

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*Дронго выстрелил,
даже не поменяв
позы, затем
рукояткой
пистолета ударил
сидящую за рулем
женщину...*

Чингиз Абдуллаев

ЭКСМО

Берлинский транзит

Чингиз Акифович Абдуллаев

Берлинский транзит

Серия «Дронго», книга 88

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=426582
Берлинский транзит: Эксмо; М.; 2010
ISBN 978-5-699-44288-1

Аннотация

На ликвидацию вора в законе Жоры Бакинського заказчики денег не пожалели, все детально продумали и спланировали. Убийцы выяснили, что в вагоне, где намечена кровавая расправа, находится эксперт-криминалист Дронго. Но это их не остановило. Дронго воспринял такую наглую самоуверенность как личный вызов. Но захватить и обезвредить убийц оказалось не так-то просто – они начали планомерно и дерзко уничтожать свидетелей, все ближе подбираясь к самому эксперту. Так близко, что ствол пистолета уже упирается ему в грудь. Убийцы торжествуют, не подозревая, что не учли одну пустяковую деталь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	38
Глава 5	52
Глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Чингиз Абдуллаев

Берлинский транзит

В каждом из нас есть скрытый мерзавец, но сидящий там же приличный парень не дает ему выйти наружу.

Эдвин Лик

Самая страшная тюрьма та, которая построена у тебя в голове.

Назим Хикмет

Следует зрело и неоднократно обдумывать свои планы до приведения их в исполнение. Но, даже взвесив все самым основательным образом, необходимо принимать в соображение несовершенство всякого человеческого знания, вследствие которого всегда могут встретиться обстоятельства, рассмотреть и предусмотреть которые невозможно, но при которых весь расчет может оказаться неверным.

Артур Шопенгауэр

Глава 1

Поезд на Берлин отходил в девять часов утра с Белорусского вокзала. В состав поезда входили различные вагоны,

в том числе и тот, который следовал до Парижа. Но самым примечательным был так называемый вагон премьер-класса, или двести пятьдесят пятый. Таков был номер этого вагона. Сюда покупали билеты только очень состоятельные люди. Вагон состоял из четырех больших купе, в которых была соответственно одна двухспальная кровать и еще верхняя, рассчитанная на одного человека. У каждого купе был свой индивидуальный санузел, где, кроме привычного умывальника, были еще унитаз с автономным сливом воды и большая душевая кабина. В каждом купе стоял плазменный телевизор, а в конце вагона находился небольшой бар, где пассажиры, ехавшие в этом необычном вагоне, могли выпить чашку кофе или пообедать. К пассажирам этого вагона были приставлены специальные официанты, которые обслуживали гостей на протяжении всего пути до государственной границы между Белоруссией и Польшей.

Билеты в этот вагон стоили больше тысячи долларов в один конец. По не понятной никому причине, если билеты покупали в Москве, то они стоили более тысячи «зеленых», а если в Берлине, то около шестисот в пересчете с евро, и никто не мог объяснить подобной метаморфозы, тем более что и состав, и вагоны были российскими. Очевидно, кто-то из высоких начальников посчитал, что своим гражданам и на собственной территории билеты нужно продавать в два раза дороже, чем за рубежом. Логика была странная, но никто и не пытался ее понять.

Первым на вокзале появился полноватый мужчина среднего роста. Он поминутно оглядывался по сторонам, потопрапливая своего водителя, который нес за своим боссом два больших чемодана. Они дошли до вагона, и мужчина протянул проводнику свой билет.

– Четвертое купе, – сообщил он тонким голосом. У него были круглые щеки, изогнутые полумесяцем брови, большой чувственный рот и нос картошкой. Он был одет в серый костюм и темную рубашку.

– Проходите, – улыбнулся проводник, – и можете сразу положить ваши чемоданы в душевую кабину, чтобы они не мешали вам в купе.

– Так мы и сделаем, – кивнул пассажир, протискиваясь в вагон. За ним, подняв оба чемодана, поспешил его водитель, высокий молчаливый парень в кепке и кожаной куртке.

Водитель покинул вагон уже через минуту. Как раз в это время на перроне появилась странная пара. Мужчине было далеко за шестьдесят. Он был выше среднего роста, элегантно одетый в серые брюки и синий клубный пиджак. Редкие седые волосы были аккуратно подстрижены. У него была характерная запоминающаяся внешность – большой нос с горбинкой, седые кустистые брови, нависшие над глазами, тонкие, упрямо сжатые губы и едва заметный шрам на подбородке. В нем чувствовалась та внутренняя сила, которая отличает аристократов или индивидов с сильной волей от прочих людей. Рядом шла его спутница. Ей было лет тридцать

пять или сорок – во всяком случае, точно не больше. Ростом она была почти как ее спутник. Эффектная блондинка с обращающими на себя внимание длинными ногами, высокой грудью и широкими бедрами. Она была в голубом брючном костюме явно от кого-то из известных французских модельеров. В руках – характерная сумочка с логотипом «Dolce & Gabbana». Туфли на высоких каблуках тоже были этой марки.

Эту пару сопровождали двое мужчин, которые несли сумки и чемоданы. Они показали билеты проводнику, сообщив, что парочка проследует в третье купе. Проводник приветливо кивнул, с любопытством посмотрев на молодую спутницу пожилого господина. В последнее время такие пары встречались все чаще и чаще. Пятидесятилетние мужчины, которым в момент развала Советского Союза было тридцать, часто меняли своих прежних жен на новых, с модельной внешностью. Устоявшееся мнение, что эффектные блондинки всегда дурочки с куриными мозгами, не соответствовало действительности. Хотя с точки зрения интеллигентов-шестидесятников, они так дурами и оставались – не читали книг, ничего не знали о культуре, не отличали Пикассо от Ренуара, а Кандинского от Ван Гога, путали Мравинского со Стравинским или Тарковского с Кончаловским.

Но, по большому счету, разве многие могут похвастаться подобной эрудицией? И разве она помогает зарабатывать деньги, если вы не искусствовед или культуролог? Да и в

этом случае вы получаете ничтожно мало за свои академические знания. Зато современные блондинки знали, чем отличается «Chanel» от «Prada», кто такие Dolce и Gabbana и какова их сексуальная ориентация. Понимали разницу между «Valentino» и «Armani». Точно знали, с кем спит премьер-министр и с кем не спит президент страны. Они смотрели новые фильмы в формате 3D. Самое важное, что они лучше любого «Форбса» знали истинные размеры состояний всех нуворишей, точную цену каждого из олигархов, их связи, пристрастия, симпатии и антипатии. На любого холостого олигарха мгновенно устраивалась многоходовая охота с привлечением любых средств и влиятельных друзей. Они знали модных режиссеров и актеров, художников и писателей, в той мере, какая нужна для поддержания светского разговора. Они были глубоко невежественны и вместе с тем поразительно осведомлены. Их знания по предметам обычной школы едва тянули на тройку, тогда как познания в области человеческой психологии, мотивов поведения каждой из соперниц и особенно поведения состоятельных мужчин просчитывались ими на уровне серьезных академических вузов.

Вошедший в купе со своей молодой спутницей мужчина находился на склоне лет. Такие обычно не так просто поддавались чарам молодых красавиц. Сказывались их жизненный опыт и мудрость, нажитая с годами. Раздел этот проходил точно по девяносто первому году. Всех, кому тогда было в районе тридцати и меньше, охотно приняли новые правила

игры, меняя старых жен на более молодых и успешных. Те, кому было далеко за сорок, весьма осторожно относились и к подобной «перемене слагаемых», и вообще к серьезным изменениям в своей жизни и в своем имидже. Может, поэтому среди олигархов и среди самых богатых людей России практически не было лиц старше шестидесяти лет. Подобным было трудно перестраиваться в годы, столь изменившие мир и их судьбу.

Мужчины, сопровождавшие эту пару, вышли из вагона, достали сигареты и молча закурили. На перроне появился высокий человек с небольшим чемоданом, который он катил за собой. Оба кутивших насторожились, внимательно наблюдая за вновь прибывшим. Тот подошел к проводнику и, не обращая на них никакого внимания, протянул свой билет.

– У меня второе купе, – сообщил он и тут же спросил: – На границе мы будем вечером?

– Да, – кивнул проводник. – У вас есть какие-нибудь пожелания?

– Я обычно прошу сообщать заранее, – пояснил незнакомец, – чтобы не беспокоить лишний раз таможенников. У меня дипломатический паспорт.

– Понимаю, – кивнул проводник, – спасибо, что сказали. Проходите в свое купе. Вам помочь?

– Нет, спасибо. – Мужчина вошел в вагон и поднял за собой чемоданчик.

– У него дипломатический паспорт, – сказал один из ку­ривших у вагона мужчин.

– Ничего особенного. Дипломат, явно не из наших, – усмехнулся другой.

Проводник услышал их реплики, но не стал переспраши­вать. В конце концов, это было не его дело.

За пять минут до отправления на перроне появилась вы­сокая женщина лет сорока. У нее была пышная причес­ка, словно она успела рано утром забежать в парикмахерскую специально для того, чтобы успеть причесаться к отходу по­езда. Немного вытянутый нос, темные миндалевидные глаза, длинная шея, какая обычно бывает у балерин. Ее чемодан и сумку нес мужчина лет пятидесяти, очевидно водитель или помощник.

– У меня первое купе, – сообщила женщина, протягивая билет, – Наталья Робертовна Лакшина, вот мой паспорт.

– Паспорт пока не нужен, – улыбнулся проводник, – толь­ко билет. Паспорт будет нужен на границе.

– Поднимите мои вещи в купе, – распорядилась женщина. Ее провожатый поднялся в вагон следом за ней. Ку­рившие на перроне мужчины переглянулись.

– Проверь четвертое, – негромко приказал первый муж­чина.

Второй поднялся в вагон, прошел по коридору и постучал в четвертое купе.

– Да-да, – отозвался пассажир, открывая дверь. Он успел

переодеться и от этого выглядел еще комичнее. Спортивный костюм, подчеркивавший всю нелепость его фигуры, довольно большой «пивной» животик, маленькие кривые ноги, впалые плечи и широкое лицо. Пассажир удивленно посмотрел на стучавшегося.

– Что вам нужно? – фальцетом спросил он.

– Извините, – пробормотал мужчина, – кажется, я ошибся.

Он прошел по коридору и вышел на перрон.

– Какой-то непонятный хмырь, – сообщил он своему напарнику, – похож на фраера. Маленький, толстый, неуклюжий.

– Ты людей по внешнему виду не суди, – посоветовал первый, – если он толстый и маленький, это еще ничего не значит. Больше там никого нет?

– Кажется, нет. Можно спросить у проводника.

– Не нужно. Они все по ходу стукачи. Не нужно дергаться и привлекать внимание. Сейчас поезд отойдет. Доставай билеты. У нас купе в соседнем вагоне. Рядом будет Костя, он сойдет в Бресте.

– Я помню, – кивнул второй.

Стоявший в тамбуре вагона высокий мужчина слышал их реплики. Когда парочка отошла от вагона, он выглянул. Мужчины спешили в соседний вагон.

– Сегодня у вас полный вагон пассажиров, – заметил высокий.

– Да, – удивленно сказал проводник, – давно такого не было. Обычно бывают заняты два или три купе. А чаще всего одно. Не все готовы платить такие деньги за эти места. Легче купить билет бизнес-класса на самолет.

– Некоторые не любят летать самолетом, – возразил пассажир.

– Верно, – согласился проводник, – поэтому и ездят в наших вагонах. Когда тронемся, к вам придет официантка. Скажите ей, когда вы хотите завтракать, обедать и ужинать. Она принесет вам меню. Но только учтите, что там есть лимит... Она вам все расскажет.

– Я знаю, – улыбнулся пассажир, – я уже несколько раз ездил в ваших вагонах.

Он повернулся и пошел в свое купе. Проводник неспешно поднялся следом. Поезд медленно тронулся. Проводник увидел своего напарника, который возвращался от начальника состава.

– У нас полная загрузка, – сообщил он, – все четыре купе заняты.

Напарник молча пожал плечами. Он даже не предполагал, что именно произойдет сегодня вечером и чем закончится их очередная поездка.

Высокий мужчина прошел в свое купе, запер дверь, переделся. Достал ноутбук, положив его на столик, рядом пачку свежих газет. В этот момент позвонил его мобильный телефон. Он включил аппарат.

– Да, – спокойно подтвердил он, – меня обычно называют Дронго.

Глава 2

Он не любил летать самолетами, но в современном мире полностью отказаться от этого вида транспорта практически невозможно. И дело не только в расстояниях. Поезд, идущий от Баку до Москвы, будет находиться в пути почти трое суток, если в очередной раз не взорвут железнодорожную колею, связывающую две столицы. При этом нет никакой гарантии, что вас не взорвут вместе с вагоном, в котором вы находитесь. В последние годы маршрут изменился, и если раньше поезда шли через Грозный и Ростов, то теперь их пустили в обход, через Волгоград. Но, даже несмотря на такое изменение, гарантий безопасности практически не было, а пребывание в таких вагонах в течение двух с половиной дней превращалось в сущую пытку. Тогда как самолет летел всего два с половиной часа. Примерно такая же ситуация была и с поездками в Европу, когда из Баку нужно было добираться до Стамбула, откуда уходили поезда в Европу. В последние годы все время лоббировался вопрос о строительстве железнодорожной ветки Баку – Тбилиси – Карс. Но и эта дорога не могла быть безопасна от покушений курдских боевиков, которые уже много лет боролись с турецким правительством. Ради справедливости стоит сказать, что курды понимали разницу между азербайджанцами и турками, хотя первые были всего лишь огузскими турка-

ми, а вторые – османскими. Курды старались не ссориться с азербайджанцами, но зато беспощадно убивали представителей турецкой армии и государства. Разумеется, и в Стамбуле приходилось летать на самолете, не говоря уж о поездках в азиатские страны – Японию, Китай, Таиланд, Индию или в страны Западного полушария, куда вообще невозможно было переправиться по земле, а путешествие по воде занимало не дни, а недели.

Зато в Европе было очень удобно пользоваться именно поездами, ведь небольшие расстояния и скоростные экспрессы делали путешествие не только удобным, но и быстрым. Поезда даже соревновались с самолетами. Во всяком случае, на поездку в аэропорт, оформление билетов, вылет из Парижа в Лондон и на дорогу в город из аэропорта уходило гораздо больше времени, чем те два часа, за которые экспресс «Евростар» доставлял вас из одного города в другой.

Хотя и здесь следует заметить, что обслуживание, питание и сами поездки стали гораздо менее комфортными, чем при открытии Евротоннеля в конце девяностых. Среди скоростных поездов сумел сохранить свои традиции и привычный комфорт лишь испанский AVE, курсирующий между Мадридом и городами Андалузии. И еще – немецкие экспрессы, которые отправлялись точно по расписанию и сочетали удобство поездки с неплохим комфортом. При этом экспресс мог доставить вас за четыре часа из Кёльна в Берлин, то есть практически пересечь за это время всю Германию.

Дронго поднялся и посмотрел на себя в зеркало. Немного уставшие глаза, уже тронутые сединой виски, тяжелый подбородок, крупные черты лица. Ему уже далеко за сорок, давно не мальчишка. Нужно меньше путешествовать. Но он знает, что не сможет жить иначе. Завтра утром поезд прибудет в Берлин, и он поедет в отель «Бристоль», чтобы остановиться там на сутки. Затем он сядет на скоростной экспресс, отбывающий в Цюрих, а уже оттуда пересядет на поезд, идущий в Рим. И через три дня наконец обнимет Джил и детей.

Дронго услышал голоса в коридоре. Похоже, по вагону ходила официантка, принимавшая заказы. Он немного приоткрыл дверь. Официантка стояла у первого купе, что-то записывая в свой блокнот. Очевидно, у пассажирки из этого купе были какие-то особые поручения. Официантка все исправно записала и прошла дальше. Дронго открыл ей дверь. Девушка была совсем молодой, не больше двадцати лет.

– Что вы будете заказывать? – спросила она. – Только учтите, что у нас лимит на тысячу рублей, и если...

– Я все знаю, – улыбнулся он. – Принесите мне первое и второе примерно часа в три или в половине четвертого. Что у вас на первое?

– Солянка или борщ.

– Тогда лучше солянку. Говорят, ее не может испортить даже плохой повар.

– У нас хороший повар, – обиженно сказала девушка.

– Не сомневаюсь. Это я пошутил. Что на второе?

– Курица и свинина. Что вам больше нравится?

– Давайте курицу.

– А какой гарнир заказать? Есть рис, макароны и жареный картофель.

– Давайте рис. И еще какой-нибудь салат.

– А на ужин?

– Это мы решим днем, – улыбнулся он. – Насколько я помню, на границе мы будем уже к семи часам вечера. Я могу просто не успеть поужинать.

– Мы работаем до шести, – сообщила она и прошла дальше.

Дронго не стал закрывать дверь и услышал ее разговор с пассажирами соседнего купе. Официантка громко постучалась, и дверь почти сразу открылась. Он услышал приятный женский голос.

– Завтракать мы не будем, собираемся отдохнуть. Запишите нас на обед. Примерно в два часа дня. Первое не нужно, только второе. Мне курицу. А ему... Если есть свинина, можете принести. Вместе с салатами и рисом. Нет, жареную картошку не нужно... Ты хочешь жареную картошку? – спросила она у мужчины.

Очевидно, он в это время был в санузле, так как его глуховатый голос Дронго не различил. Но официантка услышала и кивнула.

– Вам рис, а ему жареный картофель, – записала она. – Что закажете на ужин?

– Что-нибудь легкое. Посмотрите в меню, что у вас есть из диетических блюд. Если ничего нет, то принесете нам две бутылки кефира. Его тоже нет? Тогда еще две порции греческого салата с сыром и две порции зелени. Достаточно. Примерно часам к восьми вечера.

– Нет, – ответила официантка, – к восьми часам вечера нас уже отцепят. Мы едем с вами до Бреста. Примерно до семи вечера. Значит, нужно заказывать на шесть, не позже.

– Тогда принесите два салата, – распорядилась женщина.

Официантка прошла к следующему купе. Пассажир решил ей открыть дверь. Дронго услышал, как он перечисляет блюда, которые хотел бы съесть на завтрак, на обед и, наконец, на ужин. Он явно собирался превзойти лимит...

Дронго уже было собрался закрыть дверь, когда увидел, что по коридору идет один из тех двоих мужчин, которые курили у их вагона. Он закрыл дверь, прислушался. Мужчина подошел к третьему купе и постучал в дверь, потом вошел, неплотно закрыв за собой створку.

– Что случилось? – услышал Дронго вопрос пожилого пассажира, следующего в соседнем купе.

– Пока все нормально, – ответил пришедший, – мы проверили и два соседних вагона. Подозрительных нет или почти нет...

– Закрой дверь плотнее, – посоветовал пассажир, – а потом мы поговорим.

Дверь захлопнулась. Дронго подумал, что его любопыт-

ство в данном случае не будет очень уж предосудительным, если он послушает, о чем говорят по соседству. И он припал ухом к стене, хотя разговор был чуть слышен.

– Там никого нет, – докладывал мужчина, – в вагоне едут пожилые люди, две семейные пары, дети, старики, женщины. В нашем вагоне первое купе занимает женщина лет сорока – очевидно, едет к мужу или сыну. Во втором купе высокий незнакомый мужчина, но он предупредил проводника, что у него дипломатический паспорт, и мы поняли, что его не нужно опасаться...

– Почему? – насмешливо спросил пожилой пассажир. – Разве так трудно купить дипломатический паспорт любого соседнего государства? Просто цена будет другой.

– Но он не стал бы соваться с таким паспортом на границу, – резонно возразил гость, – чтобы лишний раз не подставляться.

– Это верно, – согласился пожилой. – А кто едет в четвертом купе?

– Какой-то бизнесмен. Гаврилко Анатолий Александрович. По внешнему виду похож на торговца бубликами. Суетливый, полный, маленького роста. Чего-то, похоже, боится – заперся в своем купе и не выходит.

– Может, он и не боится, а играет, – заметил пожилой. – Ладно, все. Нужно следить за всеми. И за женщиной, и за дипломатом, и за этим Гаврилко. За всеми троими. Принеси мне оружие. Хочу, чтобы у меня в купе был пистолет.

– Принесу, – согласился гость.

– Мы будем проходить границу, – напомнила женщина, – у нас могут возникнуть неприятности. Ты говорил, что оружие принесут нам после того, как мы пройдем границу.

– Не беспокойся, – ответил пожилой, – здесь его не найдут. А как быть с вашими «пушками»?

– Рядом едет Костя, – сообщил гость, – если нужно, он подстрахует. Мы так и договорились, что он выходит в Бресте с нашими «игрушками». А мы потом нужные вещи сможем достать и в Германии.

– Правильно, – согласился пожилой. – И будьте осторожны. Костя, кажется, местный? Пусть он сразу уходит, не дожидаясь, пока на него обратят внимание местные пограничники. Все понятно?

– Сделаем, – ответил мужчина. – Я вам больше не нужен?

– Ты мне всегда нужен, Захар. Но сейчас можешь возвращаться обратно в свой вагон. Ты звонил в Берлин?

– Да, там все нормально. Нас встретят прямо на вокзале.

– Это хорошо. Предупреди Руслана, что спать вы сегодня будете по очереди.

– Он знает. Но нам говорили, что этот вагон закроют от остальных. Здесь едут особенные пассажиры, и вход в него обычно закрывают.

– Правильно делают. А сейчас иди. Если понадобится, я вас вызову. У меня оба мобильника включены.

– У нас тоже, – ответил Захар и вышел из купе.

«Кажется, у меня не очень приятные соседи», – подумал Дронго, прислушиваясь, как Захар уходит по коридору.

– Альбина, ты ничего не бойся, – продолжал пожилой пассажир, – сегодня ночью мы уже будем в Польше, а завтра – в Берлине. Оттуда сразу уедем в Италию. Там нас уже никто не достанет.

– Надеюсь, что не достанет, – согласилась Альбина. – Ты ведь помнишь, что они сделали с нашей машиной на прошлой неделе? Я все это до сих пор во сне вижу.

– Нам ничего не грозило, – возразил ее спутник, – ребята все равно проверили бы машину, прежде чем пускать нас туда. А те, кто взорвал машину, просто хотели меня напугать. Если бы хотели убить, то дистанционное управление сработало бы в тот момент, когда мы сидели внутри. Они хотели только напугать, а не убить.

– А сейчас?

– А сейчас хотят убить. Ладно, не нервничай. С нами едут несколько человек охраны. Как только мы доберемся до границы с Польшей, все будет в порядке. Ребята сдадут оружие, и с нами поедут только двое – для подстраховки: Захар и его напарник.

– Ты думаешь, этого достаточно?

– Конечно, достаточно. Меня не так-то просто убить, Альбина. Я ведь человек везучий и пуленепробиваемый. Знаешь, сколько раз меня хотели убить? Раз пять или шесть. А я, как видишь, все еще живой и здоровый, хоть и словил

несколько пуль и меня пару раз воскрешали врачи. Но ничего, на здоровье не жалуясь.

– Постучи по дереву, – посоветовала его спутница, – и не нужно ничего заранее говорить.

– Не буду стучать. Я не суеверный, – рассмеялся пожилой мужчина.

– Ты у нас молодец, – рассудительно сказала его спутница, которая больше годилась ему во внучки, чем в подруги, – и сил у тебя еще много.

– Надеюсь, что молодой. Особенно это приятно слышать от тебя, – довольным голосом хрюкнул пожилой. – Иди сюда...

Дронго отпрянул от стены. Дальше слушать было не только неэтично, но и бессмысленно. Он открыл дверь в свой санузел. Кран над умывальником срабатывал от сенсоров, когда рука оказывалась под ним. Дронго тщательно помыл руки, словно опасаясь какой-либо инфекции. Вернулся в купе и услышал, как к соседям снова стучат. Это был Захар. Очевидно, он принес обещанное оружие. Дверь открылась не сразу, женщина приводила себя в порядок. Затем Захар ушел, и в вагоне воцарилась тишина, прерываемая лишь приглушенными звуками из второго купе. Но на них никто из пассажиров не обращал никакого внимания.

Поезд, набирая скорость, двигался в сторону Белоруссии. Российско-белорусскую границу пассажиры даже не заметили. Примерно к трем часам дня по российскому времени они

прибыли в Минск. Официантка начала разносить заказанные обеды. Дронго взглянул на здание городского вокзала. Последний раз он был в Минске ровно десять лет назад с группой известных журналистов и писателей. Поразительно, что средства массовой информации исправно вещали о диктаторском режиме в Белоруссии, о притеснениях инакомыслящих, об апокалиптических картинах в этой стране. Все было ложью. Город чистый, уютный, домашний. Люди улыбались гостям, улицы поражали своей ухоженностью и чистотой. В этот день президент Белоруссии открывал памятник погибшим евреям – жертвам фашистского геноцида. Гости были поражены, ведь им рассказывали совсем о другой стране. Вечером за ужином один из российских журналистов, называющий себя «демократом», насмешливо улыбаясь, пытался объяснить гостям, что в этой стране сохранился «советский строй образца шестидесятых». Не дослушав его до конца, Дронго резко оборвал зарвавшегося гостя:

– Не нужно так плохо говорить о людях, которые нас принимают. И об обществе, в котором по-прежнему ценятся порядочность и честность. Зато здесь не считают деньги мериллом ума и таланта. Наверное, у них тоже есть недостатки, но давайте уважать их достоинства. Ведь они сумели сохранить их даже в столь сложное время.

Журналист лишь махнул рукой, не став спорить. Это было десять лет назад.

Дронго вглядывался в лица людей. Поразительная нация,

в который раз подумал он о белорусах. За всю жизнь не встречал ни одного непорядочного белоруса. Наверное, они где-то есть – и непорядочные, и лживые. Но он никогда таких не встречал. А может, их и нет вообще? Может, этот народ, так ощутимо пострадавший во время войны и так решительно поднявшийся на борьбу с фашистскими оккупантами, оказался выше, чище, умнее своих соседей? Оставшиеся в живых не озлобились, не превратились в маргиналов, словно зараженные той высокой духовностью, которую белорусский народ проявил во время войны. Просто поразительный народ. Говорят, что французы скуповаты, итальянцы транжиры, англичане сдержанны, немцы рассудительны, а белорусы светятся от своей святости. Немного смешно, но, по существу, верно.

Поезд медленно отходил от станции. До границы было еще несколько часов. Из-за того что европейская и бывшая советская колеи разной ширины, поезда простаивают на границе по нескольку часов, ожидая, пока поменяют колеса. Интересно, что этот процесс механизирован, и пассажиры даже не замечают, как он проходит. Но пребывание на границе все равно затягивается на три-четыре часа. Пограничники и таможенники с обеих сторон могли бы пропускать гораздо больше составов, если бы не это досадное ограничение.

К шести часам вечера официантка прошла по купе, собирая грязную посуду. Она принесла салаты в соседнее купе. Дважды приходил Захар, который осторожно стучался

в дверь, проверяя, как себя чувствуют пассажиры третьего купе. Когда он пришел перед самой границей и ему открыли дверь, Дронго услышал, как молодая женщина негромко вскрикнула.

– Что случилось? – спросил ее спутник.

– Ноготь сломала. На правой руке, – пояснила его спутница.

– Ничего, – рассмеялся он, – нарастим тебе ноготь в любви берлинской парикмахерской.

– Костя уходит, – сообщил Захар, – мы остаемся вдвоем.

Дронго в очередной раз подумал, что эти двое слишком плотно опекают пожилого пассажира из соседнего купе. Очевидно, они его телохранители. Но почему тогда они передали ему оружие, а сами не взяли купе рядом с ним, в этом вагоне? Скорее всего, для того, чтобы не привлекать к нему ненужного внимания сотрудников милиции или пограничников. Но почему? Кто едет в соседнем купе? Для чего нужна подобная маскировка?

К семи часам вечера состав был уже на границе. Первыми появились белорусские пограничники, осматривающие вагон. За ними пошли таможенники. Двери всех четырех купе были открыты. Дронго присел на край кровати, развернул газету. Он слышал, как в коридоре негромко переговаривались проводники. Пограничники забирали паспорта, громко называя пассажиров по именам и фамилиям. В первом купе ехала Наталья Робертовна Лакшина. В четвертом купе

свой паспорт отдал Анатолий Александрович Гаврилко. Во втором купе был сам Дронго. И наконец, он услышал, как выкликнули имена пассажиров третьего купе. Альбина Марковна Брустина – так звали эффектную блондинку – и Георгий Нодарович Цверава. Когда Дронго услышал имя своего соседа, он вздрогнул. Этого не могло быть. Таких совпадений просто не бывает. Теперь он точно знал, кто едет за стенкой и кем приходится Захар с Русланом этой странной парочке. Они действительно были телохранителями. В купе престижного вагона находился один из самых известных «воров в законе» Георгий Цверава, или, как его называли в блатном мире, Жора Бакинский. Он был родом из Баку и успел прославиться своей невероятной жестокостью и восемью судимостями, которые скопились к шестидесяти шести годам.

«Вот какой сосед мне достался», – невесело подумал Дронго, уже подозревая, что остаток путешествия может пройти совсем не так спокойно, как его начало.

Глава 3

После того как состав благополучно пересек белорусскую государственную границу, он оказался на территории Польши, которая теперь была не просто западным соседом России и Белоруссии, но и форпостом западного мира, даже формально став страной, входящей в Шенгенскую зону. И поэтому пограничники соответственно проверяли документы всех пассажиров на въезд в Европу по установленным общеевропейским стандартам. Нужно отдать должное полякам: почти все сотрудники говорили по-русски или хотя бы понимали пассажиров. К гостям, следующим в фирменном вагоне премьер-класса, пограничники и таможенники относились с особым уважением.

Польский пограничник улыбнулся Наталье Робертовне, сделал ей отметку в паспорте и уточнил, куда именно она едет.

– К своему брату в Женеву, – пояснила она, – только на одну неделю.

– Счастливого пути, – пожелал ей пограничник.

К обладателю дипломатического паспорта он отнесся подчеркнуто вежливо и корректно, даже не уточняя, куда именно направляется этот дипломат.

– Вы много путешествуете, – сказал он, обращаясь к Дронго.

– Да, – согласился тот, забирая паспорт, – иногда мне кажется, что слишком много.

В следующем купе пограничник забрал оба паспорта, тщательно просмотрел их.

– Вы муж и жена? – уточнил он, увидев разные фамилии.

– Какое вам дело? – дернулся Цверава. – Мы живем в гражданском браке. Или в Польше такие браки запрещены?

– Не нужно так нервничать, – посоветовал пограничник, внимательно рассматривая паспорт Цверавы. – Вы первый раз въезжаете в Европу?

– Нет. Конечно, не первый. А почему вы так решили?

– У вас новые паспорта и новые визы.

– Старые закончились, – ответил Цверава.

– И у пани тоже? – уточнил пограничник.

– Да. У нее тоже, – явно сдерживаясь, произнес Цверава.

– Я была спортсменкой, много ездила на соревнования, – вмешалась Альбина, – даже выступала у вас в Кракове на чемпионате Европы.

– По какому виду спорта? – уточнил офицер.

– Биатлон, – ответила она. – У вас есть еще вопросы?

– Нет. Все в порядке. Счастливого пути. – Он вернул им документы.

– Мерзавец, – пробормотал Цверава, когда пограничник прошел в следующее купе, – все ему интересно. А ты тоже нашла время лгать. Ты же говорила, что занималась лыжным спортом.

– Нужно было отвлечь его внимание, – попыталась оправдаться Альбина, – вот я и вспомнила про их чемпионат.

– У нас все в полном ажуре: документы и визы сделаны в немецком посольстве. Они не могут ни к чему придраться, – пробурчал Цверава. – И вообще, больше ничего не говори, когда я разговариваю с людьми. Я сам буду решать, когда тебе вступать в разговор. Поняла?

– Конечно. Не нервничай.

– Это очень важно. Будем считать, что сегодня ты сделала это в последний раз. В первый и в последний.

– Да, да, конечно, – торопливо согласилась она, хихикнула и добавила: – Даю тебе слово, что в последний раз.

Дронго вышел в коридор. Вокруг светились огни. Весь состав был освещен огнями пограничных прожекторов. Он услышал, как пограничник спрашивает у пассажира из четвертого купе о цели его визита.

– Бизнес, коммерция, – пояснил Гаврилко. – У меня важные переговоры в Ганновере.

– Счастливого пути. – Пограничник вернул ему паспорт и пошел дальше.

В коридор из своего купе вышла Альбина и взглянула на Дронго. У нее были красивые зеленые глаза. Женщина была в светло-сером спортивном костюме известной немецкой фирмы.

Он улыбнулся, но она не приняла это как приглашение к разговору или даже знакомству. Напротив, посмотрела

сквозь него, затем отвернулась и вошла обратно в купе, обдав его ароматом своего парфюма. Очевидно, имея такого грозного и ревнивого друга, как Георгий Цверава, она справедливо считала, что не может улыбаться чужому мужчине из соседнего купе. Следом за ней в коридор вышел сам Жора Бакинский. Он посмотрел на Дронго и кивнул ему в знак приветствия.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался Дронго.

– Как вы думаете, скоро они закончат? Я слышал, что вы дипломат?

– Думаю, что скоро. У них обычно работает несколько бригад. Но вообще-то, я не совсем дипломат.

– Мы раньше встречались? – спросил Цверава, взглядываясь в Дронго.

– Не думаю, – ответил тот, – у меня хорошая память. Иначе я бы вас запомнил.

– Я бы вас тоже, – кивнул Цверава, – у вас слишком запоминающаяся внешность. Может, поэтому мне кажется, что я вас где-то видел.

– Возможно, где-нибудь на Кавказе, – согласился Дронго.

– Вы из Тбилиси? – уточнил Цверава.

– Нет, из Баку.

– Тогда мы земляки, – усмехнулся Цверава, – я тоже из Баку. Правда, уехал оттуда еще двадцать лет назад. Но с тех пор много раз возвращался. – Он протянул руку: – Меня зовут Георгий Нодарович Цверава. А как ваше имя?

– Меня обычно называют Дронго, – сказал он, сознавая, что этого нельзя делать ни при каких обстоятельствах. Но в него словно вселился какой-то бес, или ему хотелось, чтобы Альбина вышла из своего купе и снова посмотрела на него уже несколько другим взглядом.

Рука Жоры Бакинского повисла в воздухе. Затем он сжал пальцы в кулак. Покачал головой, нехорошо улыбнулся, убрал руку.

– Так, так, – сказал он, – значит, это вы? Тот самый знаменитый Дронго, о котором я столько слышал... Только не говорите, что вы никогда не слышали о Жоре Бакинском. Все равно не поверю.

– Если это вы, то я не знал, что Георгий Цверава и Жора Бакинский одно и то же лицо, – спокойно соврал Дронго.

– Не может быть, – убежденно ответил Цверава. – Насколько мне известно, вы должны знать все. Абсолютно все. Братья Гогия много про вас рассказывали. Вы ведь у нас известная личность...

– Надеюсь, что они не говорили ничего плохого?

– Нет, – ответил Цверава, – про вас говорили, что вы обычно держите слово и не подставляете своих собеседников. Но все равно, вы обычно работаете на другую сторону. Вы ведь мент.

– Вы же прекрасно знаете, что это неправда, и я ни одного дня не работал в милиции. Хотя считаю их работу нужной и полезной в отличие от вашей.

– Всю свою жизнь вы работали на них, – убежденно произнес Цверава. – И как мне теперь нужно расценивать ваше появление в этом вагоне? Как невероятную случайность? Или вы действительно охотитесь за мной?

– Вы же умный человек, – поморщился Дронго. – Если бы я охотился за вами, неужели я стал бы представляться таким образом? Я бы назвал вам любое имя, и вы бы его приняли. Не говоря уже о том, что мне совсем необязательно говорить свою кличку. Ведь пограничнику я ее не назвал. Она не записана в моем паспорте или в моих документах.

– Она записана в вашей судьбе, – буркнул Цверава.

– Возможно. Но именно поэтому вы должны понимать, что наша встреча – абсолютная случайность. Просто я, как и вы, люблю путешествовать по Европе с комфортом и не очень люблю самолеты.

– Ясно. Альбина, можно тебя на минуту, – обернулся Цверава.

Молодая женщина снова вышла из купе.

– Посмотри, – торжественно показал на Дронго ее спутник, – это один из самых известных сыщиков в мире. Я бы даже сказал – лучший сыщик в мире. Он не любит, когда его называют по имени, и представляется всем как мистер Дронго.

Она взглянула на него. На этот раз в ее зеленых глазах был явный интерес. Еще бы, ведь ее спутник выдает такие эпитеты!

– Не думаю, что самый лучший, – возразил Дронго, – но стараюсь быть как можно профессиональнее.

– Зачем вы в этом вагоне? – не унимался Цверава.

– А зачем вы именно в этом вагоне? – вопросом на вопрос ответил Дронго.

– Я еду на отдых со своей подругой, – возмутился Жора Бакинский, – и должен поверить, что вы случайно оказались рядом? Я провел в тюрьмах и колониях в общей сложности двадцать семь лет. Меня трудно провести, молодой человек. Вы лет на двадцать моложе меня.

– Я и не думаю вас обманывать. Утверждаю, что это всего лишь случайная встреча. Не стоит быть таким подозрительным. Завтра утром в Берлине мы расстанемся – и, надеюсь, навсегда.

По вагону шли две женщины – сотрудницы польской таможни. Дронго посторонился, пропуская их.

– Вы ничего не будете декларировать? – спросила одна.

– У него дипломатический паспорт, – пояснила ей вторая, – не нужно ничего спрашивать. Извините. Спроси у пассажиров третьего купе.

– У нас нет ничего запрещенного, – сообщил Цверава, глядя в глаза Дронго.

– Да, – подтвердила его спутница, – ничего нет.

Когда женщины скрылись в другом вагоне, Дронго тихо сказал:

– Как видите, я даже не вспомнил об «игрушке», кото-

рую вам передал Захар. Хотя такие «игрушки» могут быть очень опасным подарком, особенно в Европе, но это тоже ваше личное дело. Надеюсь, она нужна вам для защиты, а не для мести.

– Вы нас подслушивали? – мрачно осведомился Цверава.

– Если бы у меня были дурные намерения, я бы сейчас просто сдал вас польским властям. И избавил бы себя от такого непредсказуемого соседа, как вы.

Цверава нахмурился. Дронго был прав, и он понимал это. Альбина с любопытством смотрела на Дронго. Кажется, нашелся человек, который посмел возражать ее спутнику и остался в живых.

– Хорошо, – согласился Цверава, – будем считать, что это и вправду случайная встреча. Надеюсь, что завтра утром мы действительно расстанемся навсегда.

Он повернул в свое купе. Затем снова взглянул на Дронго.

– Насчет «игрушки» вы не совсем правы. Я давно вернул ее Захару, можете спросить у него. Зачем мне эти ненужные эксперименты.

– Не сомневаюсь, – ответил Дронго и тоже направился в свое купе.

Альбина молча стояла у окна, глядя на него, но больше не проронив ни слова. Из четвертого купе выглянул Гаврилко и сразу же закрыл дверь. Дронго тоже захлопнул дверь за собой. И в соседнем купе закрылась дверь. После чего Альбина негромко спросила:

– Он действительно такой известный человек?

– Лучший сыщик, – хмыкнул Цверава, – никаких сомнений. Только все знают, на чьей он стороне. Он никогда не бывает за нас, даже если иногда помогает кому-то из наших выпутаться из неприятной истории.

– Ты думаешь, что его послали следить за нами?

– Конечно, нет! Он слишком известный эксперт, чтобы быть еще и «топтуном». Так называют людей, которые следят за своими прикрепленными. Нет, нет. Просто мне не совсем понравилось такое совпадение. Ты же знаешь, что я не верю ни в Бога, ни в черта. Зато я верю в случайность, которая иногда меняет жизнь и судьбу. В общем, мне не понравилась наша встреча. Очень не понравилась.

– Что ты думаешь делать?

– Ничего. Лечь спать. А утром выйти на вокзале и навсегда забыть о нашем соседе.

По коридору прошел проводник, громко объявляя, что состав скоро тронется. Из первого купе выглянула Наталья Робертовна.

– Они закончили свою проверку? – уточнила женщина.

– Да, – ответил проводник. – Вам что-нибудь нужно?

– Принесите мне горячей воды. Я хочу выпить кофе.

– Сейчас принесу вам чайник, – пообещал проводник.

Дронго услышал, как открылась дверь в третьем купе. Кто-то выглянул оттуда. Очевидно, что-то спросить у проводника. Дронго чуть приоткрыл дверь. Он не мог видеть,

кто именно выглянул из третьего купе, но зато видел проводника, который молча смотрел на пассажира, затем быстро кивнул и поспешил к себе.

Едва состав тронулся, в вагоне появился Захар. Дронго услышал сначала осторожный стук в дверь.

– Кто там? – спросил Георгий Цверава.

– Это я, Захар, – отозвался гость.

Дверь открылась.

– Все нормально, – сообщил Захар, – прошли границу. Руслан в нашем купе.

– Говори тише, – посоветовал Георгий Цверава, – у нас очень неприятный сосед.

– Этот дипломат? Он за вами следит?

– Он не дипломат. Это известный эксперт по вопросам преступности. Самый известный. Сиди спокойно и не дергайся. Вы с Русланом не могли знать его в лицо. Его многие не знают. Слышали только кличку – Дронго.

– Я тоже слышал, – удивленно сказал Захар.

– Вот как раз он и едет рядом в соседнем купе. Это вы проглядели.

– Нужно было сказать нам в Бресте. Костя мог бы сделать так, чтобы он вышел прямо там. Сломал бы себе ногу или руку...

– Дурак, – разозлился Георгий Цверава, – ты, вообще, видел его? Он сломал бы руки-ноги не только Косте, но и вам обоим. Он на целую голову выше любого из нас. Я уж не го-

ворю о его подготовке. Не будь таким самоуверенным кретинном. В общем, так. Когда прибудем в Берлин, пусть посмотрят, куда он поедет. Только осторожно. Он легко обнаружит ваших людей.

– Все сделаем, – заверил его Захар.

Они даже не представляли, что Дронго слышал их разговор. Захар вышел из третьего купе, подошел ко второму. Он хотел постучать, чтобы хотя бы посмотреть еще раз на этого эксперта, но побоялся сделать это без санкции своего грозного босса. Поэтому он повернулся и пошел в свой вагон. Ни Захар, ни проводник, который вышел из своего купе и проводил уходившего долгим взглядом, ни сам Дронго еще даже не подозревали, что до завтрашнего утра доживут не все пассажиры, которые сейчас находились в своих купе, за закрытыми дверями.

Глава 4

Исполняя заказ, проводник принес кипяток для соседки из первого купе. Затем прошел дальше, постучал в дверь второго купе. Дронго открыл дверь.

– Вам что-нибудь нужно? – спросил проводник. Это был напарник того, что встречал их на перроне. Он был выше ростом и шире в плечах.

– Нет, спасибо.

– В час ночи будем в Варшаве, – сообщил проводник, – а утром – в Берлине. Но вас уже не будут беспокоить.

– Хорошо. Спасибо.

– Я хотел принести вам кофе или чай. Может, кипяток в чайнике, если хотите?

– Нет, спасибо.

Дронго никогда не пил воду из открытых емкостей. И тем более не собирался пить воду из чайника, которую вскипятил бы ему этот подозрительный проводник. На такой случай у него был свой небольшой электрический чайник, в котором он кипятил воду из запечатанных бутылок.

Проводник прошел дальше, постучался в третье купе. Ему открыли. Очевидно, женщина вошла в туалет, так как почти минуту пассажир и проводник молчали. Или объяснились знаками, так как Дронго, даже припав к стене, не уловил ни слова.

– Утром, – наконец услышал он проводника.

– Смотри в оба, – послышался тихий голос Георгия Цверавы.

Очевидно, проводник тоже выполнял при нем роль своеобразного телохранителя. Только этим можно было объяснить его повторный проход по коридору. Проводник прошел дальше, постучал в дверь четвертого купе. Ему долго не отвечали. Дронго чуть приоткрыл дверцу. Проводник постучал во второй, в третий раз. Наконец ему ответили.

– Что случилось? – крикнул Гаврилко. – Я принимаю душ.

– Вам что-нибудь нужно? Чай или кофе?

– Попозже. Минут через тридцать. Я вам сообщу, – ответил Гаврилко из-за закрытой двери.

Проводник повернул обратно. Дронго захлопнул дверь. Похоже, выезд такого известного криминального авторитета, как Жора Бакинский, был обставлен подобающей королю свитой и охраной. Кроме двоих телохранителей, которые следовали за ним в соседнем вагоне в Берлин, здесь был еще и проводник, который также выполнял роль охранника.

Дронго закрыл дверь на замок, прислонил к дверям свой небольшой чемодан и прикрепил к ручке дверцы ремень, зацепив другой его конец за ручку двери, ведущей в туалет. Теперь, даже имея ключ от его купе, невозможно было открыть эту дверь, даже дернув изо всех сил.

Сыщик прилег на кровать и постепенно провалился в сон. Проснулся он ровно в час ночи, когда состав въехал на вар-

шавский вокзал. Повсюду горели огни. Вокзал находился в самом центре города под землей. Это была своего рода достопримечательность столицы Польши.

На вокзале в такое позднее время почти никого не было. Дронго поднял голову, посмотрел в окно. Пустой перрон. Возможно, все спят, кроме телохранителей его соседа. Он усмехнулся. Такое количество разных людей хлынуло в Европу и в Америку после падения «железного занавеса»! И не всегда это были добропорядочные налогоплательщики.

По перрону прошли трое – двое мужчин и женщина, на голове которой был платок. «Странно, – подумал Дронго, – ночью на варшавском вокзале женщина в туго повязанном платке... Впрочем, почему бы и нет? У каждого свои предпочтения». Он снова положил голову на подушку и уснул.

Спал сыщик всегда чутко, просыпаясь от малейшего шороха. На этот раз он проснулся от какого-то непонятного шума, словно услышал приглушенный стон из соседнего купе. Дронго поднял голову и взглянул на часы. Шестой час утра. Из-за стенки больше не доносилось ни одного звука. Словно кто-то увидел во сне кошмар и застонал. Или ему так показалось? Неудивительно, если его соседу снятся кошмары. Говорят, на его совести несколько людей, которых он лично убил. А число тех, кого он приказал убить, даже трудно представить. И среди них было очень много людей из криминального мира, которые не хотели признавать авторитет Жоры Бакинського. Ему приходилось доказывать свое пре-

восходство столь кровавым способом.

Он вспомнил, что в Баку как легенду рассказывали историю о том, как Жора Бакинский сбежал из городского управления милиции, переодевшись в милицейскую форму. Уже потом, через некоторое время, стало известно, что ничего особенного не случилось. И бегство «вора в законе» было хорошо подготовлено его сообщниками. Следователь получил крупную сумму денег и согласился выйти на несколько минут из своего кабинета, оставив подследственного вместе со своей формой, висевшей в шкафу.

Тогда, в конце восьмидесятых, ничего доказать не смогли. Это было время всеобщего бардака, время развала большой страны и начала карабахской войны, время расцвета криминальных авторитетов и всеобщего воровства, время массового мародерства и неслыханных беспорядков. Жора Бакинский благополучно сбежал, а потом дело попросту развалили и закрыли. Следователя уволили из органов, и через год он уехал на постоянное место жительства в Америку. Говорят, что открыл там небольшую заправочную станцию на деньги, полученные за свое предательство. Но деньги не принесли ему счастья. Бизнес довольно быстро зачах, пришлось продать заправочную станцию. Нефть и бензин дешевели с каждым днем. Рассказывают, что бывший следователь работал даже охранником в каком-то местном баре. Однажды вечером он получил пулю в живот и умер через три дня в местной больнице для людей, не имеющих медицинской страховки.

А может, это застонала Альбина, которая уже начала понимать, с каким опасным человеком она связалась? Или увидела нечто страшное во сне? А может, стон этот донесся вообще не из третьего купе, а из первого, где ехала такая уверенная и элегантная дама, направлявшаяся к своему брату в Швейцарию?

Дронго снова прислушался. В соседнем купе слышалась какая-то возня, словно там перетаскивали чемоданы. Но делали это очень тихо, стараясь не шуметь. Может, Жора Бакинский решил не рисковать и сойти во Франкфурте-на-Одере, к которому они сейчас подъезжают? Чтобы окончательно проверить версию о случайном попутчике, которым оказался Дронго.

Послышался шум: очевидно, кто-то ударился о край стола. Последовало громкое восклицание, и снова воцарилось молчание, словно вскрикнувшему мужчине закрыли рот. Дронго прислушался. Хлопнула дверь. Один раз, другой. Конечно, следовало открыть свою дверь и посмотреть, что именно происходит в соседнем купе. Но он не стал этого делать. Ведь в таком случае он дал бы лишний и явно ненужный повод Георгию Цвераве усомниться в том, что Дронго лишь случайно оказался в этом поезде и совершенно не собирается следить за криминальным авторитетом.

Поэтому эксперт повернулся на другой бок и закрыл глаза. Если преступный авторитет хочет сойти на ближайшей станции, это его личное дело. В конце концов, коли уж он

сумел получить заграничный паспорт и даже визу в Шенгенскую зону, значит, действительно основательно готовился к этой поездке. А если он хочет затеряться в Европе, то это тоже его личное дело.

Дронго закрыл глаза. До Берлина еще несколько часов, и он может немного поспать. Под мерный стук колес сыщик снова заснул.

Он проснулся часа через два от громкого стука в дверь. Поморщился. Стучали громко, с таким расчетом, чтобы разбудить спящих пассажиров. Кто-то просил открыть дверь. Дронго привстал. Кто это решил его побеспокоить? Через секунду он понял, что стучатся в соседнее купе. Еще несколько мгновений понадобилось ему для того, чтобы понять, кто именно стучится. Это был Захар, тот самый телохранитель Георгия Церавы, голос которого он уже слышал.

– Откройте дверь, пожалуйста, – громко просил Захар, уже буквально колотя по двери кулаком.

Ответом ему было молчание. Захар выругался. Неужели оба пассажира так крепко спят? Охранник прошел по коридору к проводнику. Было слышно, как он громко разговаривает с проводником, просит его открыть дверь в третье купе. Тот возражал, поясняя, что не имеет права открывать двери, запертые пассажирами изнутри. Но Захар упрямо настаивал. Через некоторое время подошел второй проводник, который ночью обходил вагон; он сразу же согласился открыть дверь. Вместе с Захаром они подошли к третьему купе.

– Открывай двери, – потребовал Захар. – Почему они меня не слышат? И на мобильный не отвечают.

– Заняты, наверно, – весело предположил проводник. – Когда с тобой в купе такая цыпочка, можно забыть обо всем на свете. Чего ты дергаешься? Пусть люди отдыхают. До Берлина еще сорок минут, успеют выйти.

– Открывай дверь, – рявкнул Захар, – они не могут так крепко спать и ничего не слышать.

Проводник открыл дверь. Послышались два изумленных и испуганных восклицания. На кровати лежала полуодетая женщина, лицо которой закрывала подушка. Было очевидно, что убийца положил ей подушку на голову и дважды выстрелил через нее.

– Что это такое? – испугался проводник. – Ее убили?

– А где сам Жора? – закричал Захар. – Куда ты его дел?

Он схватил проводника за грудки.

– Куда ты его дел, Сергей? – заорал Захар на весь вагон. – Ты понимаешь, что теперь с тобой будет?!

– Я его никуда не девал, – испугался проводник, – отпусти. Я вообще не понимаю, что здесь произошло.

– Убили Альбину, – пояснил ему Захар, чуть успокаиваясь. – Убили ее и бросили здесь, а его похитили. Понимаешь, ты, обалдуй чертов, что теперь будет? И ты ничего не слышал?

– Этого не может быть, – растерянно сказал проводник. – Как это убили? Никто не слышал выстрелов. Ее не могли

убить. Я всю ночь не спал, в своем купе сидел. И никого посторонних здесь не было. Иначе я бы услышал.

– Дурак, – презрительно сказал Захар, – стреляли из пистолета с глушителем. Ты посмотри, как они ее убрали. Подушку на голову, чтобы не кричала, и два выстрела. Второй был контрольным.

– Я должен вызвать полицию, – засуетился Сергей.

Дронго решил, что ему пора выходить из своего купе. Неужели Георгия так напугало и разозлило присутствие эксперта, что он решил уйти, заодно избавившись и от своей спутницы? Похоже на то. Дронго начал быстро одеваться.

– Может, их вещи забрали? – спросил проводник. Похоже, он еще не совсем понимал, что именно здесь произошло.

– Какие вещи? – сквозь зубы спросил Захар. – Сейчас я позвоню и даже не знаю, что мне сказать. Меня на куски порежут. Но только вторым. Первым порежут тебя.

Дронго закончил одеваться и вышел из своего купе. Двое мужчин в коридоре обернулись к нему. У обоих были испуганные, встревоженные лица.

– Вы ничего не слышали? – нервно спросил проводник.

– Ничего, – ответил Дронго. – Что случилось?

– Убили нашу пассажирку, – выдохнул Сергей, – ночью залезли в вагон и застрелили ее. А пассажира похитили.

Дронго подошел ближе. Увидел ноги женщины, прикрытые одеялом до колен. Нахмурился.

– Ты должен был что-то слышать, – убежденно сказал

Захар. Он был плотного телосложения, очевидно бывший спортсмен. Характерные сломанные уши выдавали в нем бывшего борца. Нос картошкой, встревоженные глаза, ключковатые волосы, широкоскулое лицо.

– Во-первых, не люблю, когда мне «тыкают», – строго заметил Дронго. – Будьте любезны перейти на «вы». А во-вторых, я вам уже сказал, что ночью ничего не слышал. Очевидно, я слишком крепко спал.

– Как это не слышал? – ощерился Захар. – Ее убили, нашего друга забрали, а ты ничего не слышал?

– Еще раз прошу обращаться ко мне на «вы», – холодно попросил Дронго. – И тем не менее я ничего не слышал. Иначе я бы вам сказал.

Захар хотел что-то возразить, но проводник схватил его за руку.

– Подожди, – попросил он, – сейчас спросим у другого соседа.

Он прошел к соседнему купе, постучал. Там не ответили. Он постучал сильнее. Прислушался. Молчание.

– Там тоже кого-то убили? – невесело предположил проводник.

Захар удрученно покачал головой. Только этого не хватало. Если исчез пассажир из соседнего купе, значит, он и был организатором похищения их босса. Телохранитель подскочил к двери купе и забарабанил изо всех сил. Дверь наконец открылась. На пороге стоял встревоженный пассажир. Лицо

у него было в мыльной пене, очевидно, он брился.

– Что вам нужно? – спросил Гаврилко.

– Почему не открываешь? – рявкнул Захар.

– Подожди, – снова попросил его проводник. – Извините, что мы вас беспокоим. Вы ничего не слышали?

– Я брился, когда вы стучали, и ничего не слышал. А когда он начал ломать дверь, то услышал, – пояснил Гаврилко, вытирая с лица пену.

– Нет. Вы не поняли. Вы ничего не слышали сегодня ночью из соседнего купе? Какие-нибудь звуки, шум или разговоры?

– Ничего не слышал, – пожал плечами Гаврилко, – я вообще крепко сплю и не понимаю, почему должен был слушать, что происходит в соседнем купе. Там ехала какая-то неизвестная мне пара, очевидно семейная. Пожилой мужчина и очень эффектная молодая красавица. У них были свои дела. Я не люблю подглядывать в замочную скважину.

– И вы ничего не слышали? – снова переспросил проводник.

– Абсолютно ничего. Извините, но я должен побриться. Скоро Берлин.

Сергей повернулся и посмотрел на Захара. Тот пожал плечами.

– Нас просто разорвут, – убежденно сказал он. – Куда мог деться сам Жора?

Он достал телефон, набрал номер:

– Руслан, давай быстрее сюда. Жора пропал.

Затем убрал аппарат в карман.

– Его не могли забрать из вагона без шума. Он не тот человек, которого можно так просто забрать, – убежденно сказал Захар.

– Все равно мы должны будем вызвать полицию, – растерянно ответил проводник, – у нас за все время не было ни одного такого случая.

– О чем ты говоришь? Это такой человек... Ты ничего не понимаешь, – отмахнулся Захар, снова подходя к третьему купе, где лежала убитая женщина. На подушке расплылось кровавое пятно. Дронго помрачнел; он не любил смотреть на подобные картинки, даже несмотря на свою профессию.

– Не нравится? – вздохнул Захар. – Вот и мне не нравится. Вы же сыщик, так мне говорил Жора, почему ничего не услышали? Какой же вы тогда сыщик?

– Видимо, не очень хороший, – в тон ему ответил Дронго, – но повторяю, что я действительно ничего не слышал.

Из соседнего вагона прибежал молодой черноволосый мужчина лет тридцати. Очевидно, это был Руслан. Он подбежал к своему напарнику, заглянул в купе и изумленно отпрянул.

– Ее убили, – выдавил он.

– Да, – печально согласился Захар, – а его похитили.

– Кто это мог сделать? – испуганно спросил Руслан. – За такое... Она была его женщиной... Он не простит.

– Ее убили у него на глазах, – пояснил Захар, – и он промолчал. Никогда в жизни в такое не поверю. Нужно было его знать. Говорят, что в Омской пересыльной тюрьме он однажды держался против троих беспредельщиков. Ему тогда было уже под пятьдесят, а они были молодые и сильные. Он их всех тогда порезал. Всех троих.

– Не нужно об этом рассказывать, – попросил проводник, взглянув на Дронго, – сейчас нужно вызвать немецкую полицию. Вам лучше вернуться в свой вагон, а вам – в свое купе.

– Никуда я не вернусь, – твердо ответил Захар, – пусть меня допрашивают. Пусть меня даже арестуют. Я ведь отвечал за их безопасность. На вокзале нас будут встречать, через полчаса. Если узнают, что Георгий пропал, а его женщину убили... Меня удавят прямо на вокзале. И тебя, Руслан, удавят. И тебя, Серега, вместе с напарником – за то, что такое случилось в вашем вагоне. И этого фраера – сыщика из соседнего купе. Я даже боюсь подумать, что будет.

– При чем тут мы? – испугался Сергей. – Мы с напарником ничего не слышали. Ты нас не пугай.

– Я тебе правду сказал. Резать будут всех нас по кусочкам, пока мы не скажем, куда исчез Георгий.

– Я иду вызывать полицию, – махнул рукой проводник, – а вы все равно уходите. Может, хоть в живых останетесь.

Дронго подумал, что Захар прав. Не мог такой известный криминальный авторитет, как Жора Бакинский, просто так уйти со своими похитителями. И дверь ночью он не стал бы

открывать кому попало. А убитая женщина в его постели – это просто позор. Либо у него не хватило авторитета, чтобы ее защитить, либо силы, чтобы отстоять. В любом случае он не должен был молча позволить такое дикое убийство. Нет, что-то не сходится. Жора Бакинский был слишком авторитетным человеком, чтобы это убийство могло пройти так гладко. Получается, что его выкрали без шума, а женщину попросту застрелили.

– Давайте посмотрим в туалете, – предложил Дронго. – Может, там остались какие-нибудь следы.

– Какие следы? – поморщился Захар. – Как они туда ходили? Ты, сыщик, лучше помолчи, не заговаривайся от страха. Все равно тебе оторвут...

Дронго отодвинул его в сторону, шагнул вперед, достал из кармана носовой платок и обмотал его вокруг ладони. Только затем дотронулся до ручки и открыл дверь в туалет. Посмотрел на картинку, представшую его взору, и взглянул на Захара.

– А теперь посмотри сюда, – предложил он.

На полу в душевой сидел убитый Георгий Цверава. Две пули пробили ему сердце и легкое. Было заметно, что кровь уже свернулась. Авторитет сидел, прислонившись к стенке в одном нижнем белье.

Захар открыл рот, словно собираясь закричать. Руслан застонал от ужаса. Проводник бросился к своему напарнику, собираясь остановить состав и вызвать полицию.

– Не нужно кричать, – попросил Дронго Захара. – Как видишь, теперь все понятно. Его убили вместе с женщиной. Никто его не похищал.

Криминального авторитета убили в туалете. Это был знак высшего презрения к убитому. И вызов всему преступному сообществу. Такие вещи в криминальной среде не прощаются, это Дронго хорошо знал.

– Не может быть, – наконец прошептал Захар, потрясенный увиденным, – этого не может быть...

Глава 5

Дронго наклонился к убитому, взглянул на его раны. Нахмурился. Затем обернулся к обоим мужчинам, растерянно стоявшим в купе.

– Его убили примерно часа два назад. Очевидно, тогда же, когда и ее, – мрачно пояснил он.

– Они его убили, – простонал Захар, доставая мобильник.

– Кому звоним? – спросил Дронго.

– Кому нужно, тому и звоню, – огрызнулся Захар.

– Не спеши, – предложил Дронго, – лучше сначала сами попытаемся разобраться, что именно здесь произошло.

– Чего уж там разбираться, и так все понятно! Самого Жору Бакинского убили. Вы, видимо, не понимаете, какой это был человек. Его нельзя было просто так убивать и оставить там, в таком месте. Это ведь... Его нельзя было там оставлять.

– Не говори об этом, – предложил Дронго, но Захар, уже набрав номер, кому-то кричал:

– Алло, алло! Вы меня слышите? Это говорит Захар! Да, да, Захар. У нас несчастье!

Дронго покачал головой.

– Убили Георгия, – сообщил Захар, – прямо в поезде, в его купе. И самого Жору, и его подругу! Нет, никто и ничего не слышал. Ни проводники, ни соседи. Где мы находимся? Уже

в Германии. Да, в Германии. Но еще не доехали до Берлина. Минут через тридцать. Проводник хочет вызвать немецкую полицию. Что нам делать? Руслан рядом со мной. Да, я все понимаю...

Он убрал телефон.

– Приказал исчезнуть, – пробормотал Захар, – прыгать из поезда прямо на ходу, чтобы нас не задержали. Оставить его здесь и самим уходить. Только нужно забрать «игрушку». Я им вчера приносил.

– Он сказал, что ты ее уже забрал, – вспомнил Дронго.

– Нет, не забирал. Наверное, она в чемоданах. Сейчас посмотрим.

– Стой! – крикнул Дронго, увидев, как он наклоняется к одному из чемоданов, стоявшему за дверцей гардеробного шкафа. – Ничего не трогай, иначе тебя будет искать Интерпол и вся полиция Европы. Ведь тогда на вещах и в купе останутся твои отпечатки пальцев.

– Верно, – согласился Захар, глядя на Руслана. Тот пожал плечами.

– Я должен найти «игрушку», – подумав, твердо сказал Захар, – иначе они оторвут мне голову.

– Тебе и так оторвут голову, – возразил Дронго, – лучше беги, пока есть возможность. Попадешь в полицейскую картотеку, и тебя больше никогда в Европу не пустят, как главного подозреваемого в этом двойном убийстве. Судимости есть?

– Я не...

– Сколько?

– Две.

– Беги отсюда, – посоветовал Дронго, – пока еще можно сбежать.

Захар взглянул на своего напарника. Тот во второй раз пожал плечами.

– Уходим, – решил Захар. – Руслан, за мной!

Оба бандита выбежали из купе, направляясь по коридору в тамбур, откуда, очевидно, намеревались прыгать на ходу. Дронго остался один. Он вернулся в купе, поднял подушку, взяв ее за уголок своим носовым платком, взглянул на то, что осталось от лица несчастной женщины. «У нее были красивые зеленые глаза, – печально подумал он. – Но такова участь многих подруг известных авторитетов и киллеров. Их убивают вместе с партнерами, чтобы не оставлять в живых нежелательных свидетелей».

Он осторожно опустил подушку. Огляделся. Конечно, убийцы не трогали их чемоданы. Сейчас копаться в вещах невозможно, уже скоро здесь будет немецкая полиция. Сыщик вышел из купе, закрыл за собой дверь. Прошел по коридору к своему купе. Увидел спешившего к нему проводника Сергея.

– Я уже сообщил начальнику поезда, – взволнованно доложил тот, – сейчас они все будут здесь. Он должен передать сообщение в местную полицию. А где ребята? Куда они по-

девались?

– Кажется, вы их больше не увидите, – сообщил Дронго, – они получили приказ покинуть поезд и должны были вдвоем сойти с него еще до того, как сюда прибудет немецкая полиция.

– Вот сволочи, – возмутился Сергей, – заплатили мне всего одну штуку, а подставляют на миллион! Ну почему наши люди такие мерзавцы?

– За что вам заплатили?

– Чтобы я присматривал за этой парочкой. Помогал им в пути, обращал внимание на всех подозрительных людей, которые могут оказаться рядом с ними. Выполнял все поручения этого убитого типа. И вот так глупо меня подставили! Получается, за тысячу долларов я получил двоих убитых...

– Вы в этом виноваты меньше всего, – возразил Дронго.

– Это нужно объяснить сначала нашему начальнику поезда, потом немецкой полиции, а потом еще и нашим, в Москве, которые обвинят меня в чем угодно. Двое убитых, а я ничего не слышал... Так не бывает, мне никто не поверит! И мой напарник тоже ни краем уха.

– Я находился в соседнем купе и тоже ничего не слышал, – сказал Дронго, – поэтому успокойтесь. Нас все равно будут допрашивать вместе.

– Кто это такой? – спросил проводник. – Мне сказали, что он очень важный человек. Какой-то грузин. Но я не знаю, кто он такой, честное слово.

– Он известный криминальный авторитет, – сообщил Дронго, – «вор в законе». И мой вам совет: ни в коем случае не лгите. Я не имею в виду вашу тысячу долларов. Я говорю про ваши показания немецкой полиции или рассказы своему руководству. Достаточно вам немного запутаться в своих показаниях – и к вам придут совсем другие люди. И с другими методами. Они узнают все, что им будет нужно. Но после этого в живых вас не оставят. Вы меня понимаете?

– Что вы такое говорите? – ужаснулся проводник.

– Я знаю, что говорю. В вашем вагоне убили не просто известного преступного авторитета. В вашем вагоне сегодня ночью убили легенду. Жору Бакинского. И это событие будет обрастать слухами, сплетнями, домыслами. Не удивляйтесь, если через некоторое время вам будут рассказывать о целой банде, которая напала на поезд, перебила охрану и завалила вашего пассажира.

– Вы шутите, а мне еще нужно отвечать за весь этот кошмар...

– Ничего. Как-нибудь выкрутитесь. Еще раз напоминаю вам, что лгать нельзя ни в коем случае. Разумеется, про тысячу долларов вы можете никому не говорить. Эти деньги вы, можно сказать, честно заработали.

В этот момент в вагон ввалилось сразу пять или шесть человек. Среди них был начальник состава, напарник проводника, еще какие-то люди. Дронго благоразумно остался стоять рядом со своим купе. Поезд начал замедлять движение.

Из первого купе вышла уже одетая в темное платье Наталья Робертовна. Она строго посмотрела на толпу ворвавшихся в вагон мужчин.

– Что здесь происходит? – спросила она у Дронго. – Почему такой шум?

– В третьем купе какие-то неприятности, – пояснил тот. – Не знаю, что именно там происходит, но сюда вызвали все руководство состава.

– Только этого еще не хватало, – немного растерянно произнесла женщина. – До Берлина осталось так мало времени, а они хотят придумать очередную причину, чтобы опять опоздать...

– Их убили, – крикнул кто-то из прибывших.

– Кого убили? – не поняла Лакшина. – Может, мне кто-то объяснит, что здесь происходит?

– Я ничего не знаю, – ответил Дронго с некоторой заминкой.

– Не знаете или не хотите отвечать? – спросила она, очевидно уловив эту заминку.

– Не хочу, – честно признался он. – Там, кажется, произошло преступление. Сейчас здесь будет немецкая полиция.

– Поэтому вы решили ничего мне не говорить?

– Я подумал, что так будет лучше для вас.

– Я сама решу, что будет лучше для меня, – решительно сказала Лакшина и громко позвала: – Господин проводник, можно вас на минуту?

Проводник стоял тут же, в коридоре. Услышав, как она его позвала, он взглянул на своего начальника. Тот согласно кивнул головой. Нужно успокоить пассажиров, не допускать паники. Проводник подошел к женщине, протиснувшись мимо Дронго.

– Что у вас там случилось? – спросила она.

– Убийство, – выдохнул Сергей, – сразу два убийства. В соседнем купе убиты двое наших пассажиров.

Она не вскрикнула, не испугалась. Только сделала шаг назад, словно отходя от этого несчастья. Взглянула на Дронго, потом снова на проводника:

– Как их убили?

Из ста женщин девяносто девять никогда бы не задали такой вопрос. Но она задала именно его. Дронго удивленно взглянул на женщину. Интересно, какая у нее профессия?

– Их застрелили, – сообщил проводник.

– Странно, – задумчиво произнесла она, – я не слышала ночью никаких выстрелов. Как такое возможно? Ночью я плохо спала, почти все время читала...

– Не знаю, – ответил проводник, – мы сами ничего не понимаем. Я тоже не слышал никаких выстрелов. И чужих в вагоне не было.

– Но так не бывает, – убежденно произнесла Лакшина. – Кроме вас, в нашем вагоне было еще три пассажира. – Только тогда она посмотрела на Дронго.

Тот молчал, никак не комментируя ее слова.

Проводника позвали, и он поспешил к третьему купе. Лакшина продолжала смотреть на Дронго.

– Ваше купе было рядом, – наконец произнесла она. – Вы тоже ничего не слышали?

– Ничего. – Он качнул головой. – А вы довольно мужественная женщина. Услышали про двоих убитых и спокойно восприняли эту новость. Так, как будто готовы были ее услышать.

– Вы тоже не испугались, – парировала она. – Насколько я могла заметить, вы не отсиживаетесь в своем купе.

– Я мужчина.

– Это не совсем разумное объяснение, – усмехнулась она. – Я знаю многих мужчин, которые не стали бы задерживаться в коридоре, услышав о таком преступлении. Судя по вашей комплекции, вы бывший спортсмен. А если к этому прибавить ваши пронизательные глаза и выпуклый лоб, то, возможно, вы сыщик или что-то в этом роде. Во всяком случае, мыслительные процессы у вас явно превалируют над физическими. Хотя при вашем росте и комплекции вам достаточно только появиться где-нибудь, чтобы убедить своих визави в вашей правоте. Я права?

– Почти угадали, – кивнул он. – А как насчет вас?

– Теперь ваша очередь угадывать.

– Вы не испугались, узнав, что в соседнем купе два трупа. Уточнили, как именно их убили. Удивились, что не слышали выстрелов. И даже определили достаточно точно, кто

именно я по профессии. В таком случае вы – врач. Возможно, психолог или психиатр.

– Психиатр, – кивнула она.

– А в молодости вы наверняка занимались балетом, – добавил Дронго, – хотя бы на любительском уровне.

– Вы не ошиблись. Почти на профессиональном. До тех пор, пока не сломала ногу в автомобильной аварии. Но как вы определили мое прежнее увлечение?

– Ваша вытянутая шея и ваша манера держать себя, – пояснил он.

Они улыбнулись друг другу, несмотря на всю трагичность ситуации.

Поезд остановился. Послышались голоса прибывших сотрудников немецкой полиции и прокуратуры.

– Кажется, нам лучше вернуться в свои купе, – предложил Дронго, – сейчас здесь будет много людей.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Меня обычно называют Дронго, – сообщил он, – я эксперт-аналитик по проблемам преступности.

– А я Наталья Робертовна Лакшина. Главный врач четырнадцатой больницы, специалист в области психиатрии заключенных.

– Это я тоже понял. Вы знаете, кто именно был нашим соседом?

– Не знаю. Но полагаю, что просто так не убивают. Крупный бизнесмен? Какой-нибудь неудачливый аферист? Или

вообще – преступник?

– Известный преступный авторитет, так называемый «вор в законе». Георгий Цверава, или Жора Бакинский, как вам будет угодно. И его спутница.

– Ничего себе компания, – грустно усмехнулась Лакшина. – Кажется, у нас тоже могут быть неприятности. Вы – эксперт по вопросам преступности, я – психиатр, занимающийся этими преступниками. И плюс преступный авторитет. Не слишком ли много на один вагон?

– Нужно узнать, кто такой еще один наш пассажир, – напомнил Дронго. – Если выяснится, что он сотрудник милиции или ФСБ, то я не удивлюсь, что нам просто предъявят обвинение в устранении нашего соседа. Хотя наш попутчик меньше всего похож на офицера.

– Надеюсь, что он не оттуда, – кивнула она. – Идите в свое купе. Кажется, к нам поднимаются немецкие полицейские.

В вагон действительно поднималось сразу несколько человек в штатском и в форме. Они направлялись к третьему купе, где уже толпилось несколько человек. Состав не трогался с места. Среди прибывших выделялся высокий, худощавый мужчина лет сорока, очевидно один из руководителей прибывшей группы. Это был Йозеф Виммер, старший следователь транспортной прокуратуры по расследованию особо опасных преступлений. Несмотря на возраст, он был седым. Немного вытянутое лицо, глубокие морщины на щеках. Он был в сером элегантном костюме и в голубой со-

рочке без галстука. Вместе с ним в вагон вошел пожилой мужчина лет пятидесяти пяти, который немного прихрамывал на правую ногу. Комиссар Якоб Реннер проработал в полиции больше четверти века и был опытным специалистом. Он даже внешне напоминал породистого бульдога, готового взять след. Мясистые щеки, расплывшийся нос, выступающий подбородок и тяжелый взгляд сразу выдавали в нем полицейского. С первого взгляда он понял, что именно здесь произошло. Мужчину застрелили в купе и затем перенесли в туалет, а женщину убили прямо в кровати, положив ей на голову подушку.

– Есть документы убитых? – спросил Реннер.

– Их паспорта находятся в сумочке погибшей, – пояснил кто-то из руководителей поездной бригады.

Один из сотрудников полиции достал сумочку с документами. Надел перчатки, вытащил оттуда два паспорта и раскрыл их на первой странице. Прочел имена погибших. В сумочке был кошелек с кредитными карточками и около трех тысяч евро в различных купюрах.

В карманах погибшего нашли еще более десяти тысяч евро наличными и пятьдесят тысяч рублей. Комиссар поморщился, когда ему показали эти деньги. Взглянул на Виммера.

– Нужно уточнить, кем был этот человек, – посоветовал он старшему следователю.

– Мы уточним через нашу картотеку и сделаем запрос в Москву, – предложил Виммер, – но сначала нужно погово-

ритель с проводниками. Возможно, они знают кого-то из погибших.

Он подозвал одного из сотрудников полиции, который говорил по-русски. Попросил переговорить со всеми проводниками и начальником состава.

– Пусть работают эксперты, – предложил комиссар, проходя в другой конец вагона, где находилась барная стойка и столики со стульями. Вместе с Виммером они устроились за столами, решив допрашивать здесь свидетелей.

– Что нам делать? – спросил подошедший руководитель поездной бригады. – Мы уже серьезно опаздываем. У нас много пассажиров, которые могут опоздать на другие поезда.

– Нужно разрешить движение состава, – предложил Виммер, – но переписать всех пассажиров из соседних вагонов. Списки должны быть у проводников и польских пограничников, которые проверяли всех прибывающих. Потом мы отцепим этот вагон и будем разговаривать со всеми, кто в нем ехал. А остальной состав может продолжать движение.

– Они опоздают часа на четыре, – простонал начальник поездной бригады, – на нас подадут в суд.

– У вас есть другие предложения? – поинтересовался Виммер. – Мы проводим расследование и обязаны проверить всех, кто был в этом поезде. Возможно, среди них есть убийца или убийцы.

– Но наши поезда должны ходить строго по графику, – все еще не мог успокоиться железнодорожник.

– В ваших поездах не должны убивать людей, – отчеканил Виммер. – Хотя это бесполезный спор. Вы можете нам предложить нечто иное? Например, задержать всех в Берлине после прибытия. Сколько здесь? Несколько сот человек?

– Нет, – махнул рукой несчастный железнодорожник, – делайте что хотите.

Но долго ждать им не пришлось. Вскоре к ним подошел переводчик и сообщил ошеломляющую весть: убитый был известным криминальным авторитетом. Об этом сразу рассказал проводник, напуганный этими убийствами. Он рассудил, что лучше самому рассказать об этом сотрудникам полиции, чем ждать, пока они сами узнают об этом. Оставалось только сделать необходимый запрос в Москву.

– Нужно срочно снять отпечатки пальцев убитых и отправить их в Москву, – предложил Реннер, – тогда мы будем наверняка знать, кого именно здесь убили.

Виммер задумчиво кивнул. Им обоим было понятно, что это не банальное ограбление в поезде. Скорее – месть человеку, труп которого бросили в туалете, что символизировало предел бесчестия.

– Если погибший сам был преступником, то, возможно, это месть со стороны его соперников, – предположил Виммер. – Тогда нам нужно провести все необходимые процедуры, включая вскрытие тел и их опознание, а только потом отправлять запрос.

– Мы потеряем время, – возразил Реннер, – нужно как

можно быстрее установить, кого убили в этом вагоне. Тогда мы сможем примерно очертить круг подозреваемых и выйти на возможного убийцу.

– Похоже, вы правы, – согласился Виммер.

– Объявите, что мы скоро поедem, – распорядился Реннер, обращаясь к своему помощнику, – и уточните списки всех пассажиров из соседних вагонов.

– В соседнем вагоне двое пассажиров сошли раньше срока, – сообщил один из сотрудников полиции. – Проводник из соседнего вагона говорит, что они вышли примерно за несколько минут до нашего прибытия. Даже не вышли, а выпрыгнули на полном ходу.

– Уточните их фамилии, – приказал комиссар. – Может быть, нам даже не придется искать подозреваемых. Возможно, эти сбежавшие люди и были причастны к двойному убийству. В таком случае нужно точно выяснить, в каком вагоне они ехали и как их звали. В этом составе выяснить подобное несложно. Ведь они ночью пересекали границы, а значит, все фамилии были зафиксированы и пограничным контролем, и российской железной дорогой при покупке билетов.

Он даже не мог предположить, что это будет самое невероятное расследование в его карьере. Якоб Реннер не подозревал, с каким изощренным преступлением он столкнется на этот раз. И даже двойное убийство будет не столь ошеломляющим событием, когда он сумеет узнать наконец всю правду об этой невероятной истории.

В этот момент вбежал один из сотрудников комиссара Реннера.

– Нашли одного из сбежавших, – сообщил он. – Когда парень прыгал из вагона, то вывихнул себе ногу, возможно, даже сломал. Его повезли в больницу. А его напарник сбежал.

Глава 6

Сотрудники полиции обходили вагоны, состав стоял на запасном пути. Бригада экспертов закончила осмотр купе, найдя массу отпечатков пальцев, каждый из которых мог принадлежать убийце или убийцам. Начальник поездной бригады кусал от волнения губы. Они задерживались уже более чем на два часа. Пассажиры начали проявлять нетерпение. Некоторые даже собирались выйти, чтобы найти такси и самостоятельно отправиться в Берлин.

– Нужно отправлять состав, – предложил Виммер. – Пока отцепим только этот вагон, пусть остальные едут.

– А если там есть кто-то из подозреваемых, где мы их потом будем искать? – спросил Реннер. – В Европе уже давно нет границ. Они растворятся на этом пространстве.

В этот момент ему доложили, что один из пассажиров хочет его видеть.

– Пусть подождет, – отмахнулся комиссар, – мы еще успеем его допросить.

– Он настаивает на встрече, – доложил офицер.

– Я заранее знаю, что он скажет. Что он опаздывает в Берлин и у него важные дела. Но я не могу ничего решить, пока не переговорю с каждым из пассажиров, находившихся в этом вагоне. Сколько их было человек?

– Трое, – доложил офицер.

– Тем более. Мы их довольно быстро отпустим. Успокойте этого пассажира.

Офицер отправился выполнять распоряжение комиссара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.